

Отряд армии мира

— Я не могу молчать в это напряженное время, когда каждый день приносит нам новые доказательства роста опасности войны, — этими словами восьмидесятилетний академик Зелинский выразил чувства тысяч передовых ученых всех континентов, представляющих в совокупности могучий отряд армии мира!

Наука — одна из важнейших движущих сил прогресса. Но она же в буржуазном обществе и поставщик самых страшных средств истребления. Сторонники мира начали с требования запрета одного из них — атомной бомбы. Противники мира во всю мощь американских коротковолновых станций в Европе завопили о том, что это требование на руку большевикам. Однако в Стокгольмском Воззвании провозглашены весьма далекие от коммунистических учения Лондона и Брюсселя, Рима и Вашингтона, протестуя против превращения миллионов людей в пушечное мясо, а плодородных долин Рейна и Темзы, Сеня и Тибра — в поля битвы, как это уже произошло с долиной реки Нактонган. Но обыватели вне закона атомной бомбы — только начало. Сторонники мира требуют прекращения гонки любых вооружений, осуждения не только тех, кто начинает войну, но и тех, кто к этому призывает.

«В течение последних лет ученые прошли через множество фаз — от надежды на прочный мир, — и эта надежда, казалось, могла покоиться на факте разгрома фашизма, — пишет вице-президент Всемирной федерации научных работников Д. Бернал, — до озлобленности перед лицом новой гонки вооружений, перед лицом опасности атомной бомбы и еще больших ужасов водородной бомбы, перед лицом развязывания открытой войны в Европе». Это озлобленность сопровождается обострением чувства ответственности. Без различия политических направлений или религиозных взглядов ученые выражают свою решимость навсегда положить конец использованию науки для войны.

«Я никогда не поставил свои знания на службу тем, кто замыкает новую войну», — говорит от имени многих тысяч ученых австралийский физик Кайзер. Профессор Лондонского королевского колледжа Дж. Чэмпин называет изготовление атомной бомбы по приказу поджигателей войны «протитупированием науки». Ректор американского научно-исследовательского института при Сиракузском университете (штат Нью-Йорк) доктор Монтонна заявил, что руководители ни института не будут выполнять секретных заказов комиссии по внутреннему контролю над атомной энергией. Волну широкого возмущения вызвал проект создания водородной бомбы: около 100 научных работников Кембриджского университета осудили в своей петиции самую ее идею, осуществление которой для английского народа может означать «непоправимую катастрофу».

Это лишь отдельные струи могучего потока протестов, воззваний, деклараций, направленных против поджигателей войны. Примеру передовых профессоров следуют и молодежь. В то время как генерал Эйзенхауэр, по совместительству президент Колумбийского университета, заявил, что он рассматривает студентов как солдат и ждет от них «крови, жертв и смерти», студенческие организации США настойчиво требуют отменить в университетах обязательное военное обучение. Студенты Колумбийского университета и Нью-Йоркского колледжа организовали демонстрацию протеста против выступлений в этих учебных заведениях Баруха и Эйзенхауэра.

Нет страны, научные деятели которой не откликнулись бы на Стокгольмское Воззвание. Среди подписавших его — американские ученые-атомники: профессор Филипп Морисон и Оливер Лоу, руководитель отдела физики Чикагского университета Антон Карсон, пакистанский ученый Маудли Абуд Хак и бразильский профессор Америго Валерио, президент технической палаты Германской демократической республики профессор Георг Франк и японский физик Сюичи Сагата. Назвать всех — это значило бы перечислить тысячи бланков с текстом Стокгольмского Воззвания, где стоят подписи лучших представителей мировой интеллигенции. Ученые, объединившиеся сейчас в борьбе за мир, представляют собой великую силу, противостоящую тьме и разрушению.

Но есть ученые, которые уклоняются от участия в этом могучем движении, есть отщепенцы, которые противодействуют ему. Кто-то еще продолжает работать в «черных лабораториях», в тайных питомниках смертоносных баглиц и на предприятях, готовящих орудия истребления, под-

чинаясь тем, чья цель, по словам Бернала, «состоит в том, чтобы уничтожить и мучить людей во имя увеличения и сохранения своих собственных прибылей». Это еще не схваченные за руку идеологи за руку идеологи, взятые в плен после его отхода не добровольного приземления среди развалин корейской деревни, может быть, им же сожженной. «Во имя чего вы оказались здесь?» — спросили его на допросе. Он отвечал, туго ухватився за квадратные ящики ботинок: «Мне платили деньги»... Так отвечают пока рядовые предатели человеческой цивилизации. У Смитта еще будет время поразмыслить над новой для него темой о совести и человечности, с которой его впервые познакомит в корейском лагере для военнопленных. Но когда народы призывают к ответу вдохновителей военных убой, то у ректора Вашингтонского университета Артура Комптона, правительственного советника, призывавшего недавно по радио бросить атомную бомбу в Европе, не окажется ни времени для раздумий, ни слов для оправданий. Нечего будет сказать на суде народов и другому «ученому», американскому физику Ральфу Лешу, назвавшему Советский Союз пелью для водородных бомб. Страшен будет приговор тем, кто готовит, кто посылает убой, кто выдает в их грязную руку орудия разрушения и смерти.

Приближается второй конгресс сторонников мира. Он, несомненно, поддержит предложение Жюль-Юри — привозить к pozorному столбу всех тех, кто призывает народы к новой войне. Это грозное предупреждение сторонников мира еще больше изолирует ничтожное меньшинство «ученых» людоедов, окружит их всеобщим бойкотом.

Вступая в ряды сторонников мира, люди науки защищают не только дымящие свои доты и плоды столетий самоотверженного труда, сконцентрированные в завоеваниях научной мысли, но и свое собственное сегодняшнее право на творчество. Для поджигателей войны высшее достижение науки — атомная бомба. Они забывают, что прежде должен был появиться глубоко мирный диалог Фредерика Жолио-Кюри, который он назвал «Зор», что означает по-древнегречески «жизнь». Прежде чем генерал Иссин стал подбрасывать зараженных блох в китайские фанзы, Зоболотный, Дженнер и Пастер сумели разгадать и победить чуму, оспу и бешенство.

Для науки, для творчества губительна самая атмосфера военного психоза, которую насаждают забеснувшиеся атомщики. В тайных лабораториях, испытательных биологических яд, в пещерах заводов, сортирующих по всем правилам квантовой физики взрывчатые изотопы, царит ожесточение. Это ругает тех, кто по словам американского ученого Фрейштадта, считает, что «каждый цент израсходован зря, если он потрачен на что-либо иное, кроме дальнейшего развития средств разрушения». Но это ожесточение далеко от истинного развития науки, неприменным инструментом которого является служение миру. «Наука — это утверждение жизни, а не отрицание ее», — говорится в обращении румынской Академии наук к деятелям культуры Англии и Америки. Только великие идеи человечности могут внушить ученому подлинное вдохновение, могучий порыв создания, породить благородную творческую страсть.

Это она владыка Мичуринскому, создавшим новые виды растений. Она управляет Поповыми, впервые применившим изобретенные им радио для спасения погибавших рыбаков. В глазах честных людей всего света величайшая сила морального превосходства на стороне советского врача Нины Завьяловой, сознательно заразившей себя чумой во имя спасения людей от смертельного недуга. Борьба за мир — это борьба за свободное и радостное научное творчество на благо людям. Таково творчество советских ученых, одухотворенное высокими идеями гуманизма. Советская наука, окрыленная служением народу, — вдохновляющий пример для прогрессивных ученых всех стран. Великую силу являют собой мирное счастье тех, кто готовится послать в пустыни воду величайшей русской реки. Неизменно скоро зашумят турбины новых гидроэлектростанций-гигантов на Волге и Днестре, наполнятся оросительные каналы, влага насытит новые поля и сады. Мечта лучших умов человечества о мирном торжестве науки и труда над природой воплощается в зримых чертах коммунизма.

Так создание противопоставит разрушению, озаряя светом надежды встревоженный мир. Каждый ученый должен сделать между ними свой выбор, совершить свой вклад в дело мира во имя будущего человечества, во имя подлинной науки! Ученые не могут молчать! Тот, кто продолжает сегодня работать на «фабриках смерти», не может называться высоким именем ученого!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 87 (2678)

Вторник, 26 сентября 1950 г.

Цена 40 коп.

ЧЕЛОВЕК ПОБЕЖДАЕТ!

Проф. Я. КОЗИН,

заместитель председателя президиума Крымского филиала Академии наук СССР

Прекрасный край теплого моря, живительного воздуха, яркого солнца и бархатных гор; край вечнозеленый и плодородный. Таким живет Крым в представлении людей, хоть раз побывавших на его южном побережье.

«Волшебный край!» «Очей отрада!» — писал о Крыме Александр Пушкин.

Но этот, широко известный по литературе край составляет незначительную часть Крымского полуострова. Она тянется узкой полоской вдоль морского берега, защищенного горами от холодных северных ветров.

За горами к северу начинаются крымские степи. Холмистые на юге, они переходят в равнины к северу. Здесь также благодатно сияет солнце, но облик земли меняется, блекнет краски. В долинах рек Центрального Крыма еще встречаются зеленые, радующие глаз оазисы садов. Но чем дальше к северу, тем суше становится степь. В летние месяцы она похожа на гигантский стол, покрытый серовато-бурым склеретью выжженной травы, на которой во многих местах разбросаны патла соловчаток и солонцов. Особенно разлит контраст между южным берегом и северным, изголодавшим Сивашем. Здесь когде растет низкорослый кустанник; сероватая трава покрывает солончаки.

Крымские степи — богатейшие земли. Толщина черноземного слоя кое-где доходит до 60 сантиметров, но плодородные земли не дают человеку того, что могли бы дать.

Нет воды! Тучи бесплодно проносятся над степью. Осадки выпадают крайне неравномерно, большей частью — в летние месяцы, когда вода уже не может увлажнить иссушенную почву. В иные годы в мае—сентябре бывает не больше 20—30 миллиметров осадков. Они испаряются, едва коснувшись раскаленной земли. Основные источники водоснабжения в степи — артезианские колодцы. Есть и такие районы, как, например, Ленинский и Приморский Керченского полуострова, куда вода доставляется по железной дороге в цистернах.

Человек в значительной мере зависит здесь от милостей природы. Выпадут обильные дожди, и тогда крымские степи дадут невиданные в других районах страны урожаи. Не выпадут дожди — все стоит. По числу засухливых годов степной Крым превосходит даже Поволжье.

Много труда, энергии и воли затрачивают крымские колхозники, чтобы заставить служить народу степные земли. В тесной связи с наукой колхозники ищут пути для преодоления засухи. Они глубоко верят, что наступит время, когда степной Крым превратится в цветущую землю, в такую же прекрасную и радостную, как и Южное побережье.

И, действительно, там, где удается напавть землю, она воздает сторицей. В колхозе «Левый освобождения Крыма» с опытных полевых участков снят урожай в 52 тонны помидоров с гектара. В этом же колхозе, земли которого расположены в Пришивале, разведен прекрасный яблоневый сад. В степи появились уже первые посевы хлопчатника. На орошенных крымских землях можно получить до 30 центнеров хлопка с гектара.

Стремление колхозников сделать свою степь цветущей землей находит яркое выражение в широком развитии опытнических. Свыше 350 колхозников с помощью ученых Никитского ботанического сада проводят разные опыты по разведению в степи садов, винограда, эфиромасличных культур, лавры и даже цитрусовых. В колхозе «Зават Ильича» Джанкойского района Герой Социалистического Труда Дмитрий Николаевич Соколов получил 93,3 центнера винограда с гектара степной земли. Колхозник Семенов из колхоза «Трудовые соглашения» Кировского района успешно разводит в степи цитрусовые культуры.

Эти смелые опыты в безводной степи показали, что при орошении крымская степь зацветет садами, покроется плантациями хлопка, в ней зашумят дубравы. Постановление правительства о строительстве Каховской гидроэлектростанции на Днестре, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов открывает новую эру в жизни засушливых земель Крыма. Наступление на засуху разворачивается на широком фронте.

Северо-Крымский канал подведет воду Днестра через Сиваш к Джанкою и здесь разветвится на два рукава: один пойдет к Керчи, другой — в юго-западные райо-

ны Крыма. В зоне канала будет орошено до 300 тысяч гектаров земли (сейчас самые крупные колхозы степных районов орошают в среднем по 20 гектаров).

Воды, оросительной сети поднимутся леса, которые орошают центральный район Крыма от сухое. Человек не будет ждать «подарков» от природы. Он подчинит ее себе: вода каналов обеспечит высокие урожаи.

На территории одного из наиболее безводных районов — Кировского — сейчас орошается 191 гектар, а после завершения канала будет орошаться до 6 тысяч гектаров. В Азовском районе количество орошаемой степи возрастет в 30 раз.

Там, где сейчас колхозники с трепетом ждут дождя, земля сможет давать неизменно устойчивые урожаи по 30—50 центнеров пшеницы с гектара. Хлопок станет одной из основных культур в степи. Теннисные леса окажут каналы. По всей орошаемой степи зацветут виноградники, сады и даже субтропические культуры, над акклиматизацией которых в степных районах ведут работу Никитский ботанический сад и другие научно-исследовательские организации.

В крымской степи я видел, с каким упорством колхозники борются за исключительно неблагоприятных климатических условиях за высокие урожаи; я видел, как холит колхозники первые разведенные ими в степи сады, как используют они каждую каплю воды. Живо представляю себе картину расцвета степи через 5—6 лет, когда днестровская вода по каналам пойдет в крымскую степь, оросив сотни тысяч гектаров.

Во всех колхозах степного Крыма сейчас проходит собрания колхозников. От всей души благодарят они партию и правительство, великого Сталина за его заботу и помощь. Председатель колхоза имени Кирова, расположенного в наиболее засушливом районе, тов. Ващенко сказал:

— Не пожалеем сил, чтобы быстрее воплотить сталинский план в жизнь.

Такими чувствами живет весь Крым. Филиал Академии наук СССР в Крыму разрабатывает мероприятия по использованию всех научных сил области для решения научных и теоретических вопросов, связанных с новым строительством. Ученые Крыма сделают все, что в их силах, для скорейшего завершения строительства и освоения орошенных земель.

СИМФЕРОПОЛЬ

Радость украинского народа

КИЕВ. (Наш спец. корр.). Со всех концов республики приходят в Киев сообщения о всенародном ликовании, вызванном историческим постановлением Совета Министров СССР о строительстве Каховской гидроэлектростанции, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов. Рабочие, колхозники, ученые, писатели, деятели искусства и своих многолюдных собраниях выражают горячую благодарность товарищу Сталину, большевистской партии, советскому правительству за отеческую заботу о процветании Украины.

В своем коллективном отклике народные артисты СССР, лауреаты Сталинской премии Н. Ужвий, Г. Юра, А. Бучма, Ю. Шумский пишут: «Взирая на нашу Родину, простые люди всего мира воочию видят, каким может быть счастье на земле. Каждый советский человек своим великим патристическим долгом считает уча-

стие в сталинских стройках. Прекрасна и благодарна задача, стоящая перед деятелями советского искусства, писателями и художниками. Мы должны запечатлеть все величие этих дней, ярко показать, как могут советский человек — творец и создатель, вдохновляемый гением родного Сталина».

Высокий трудовой подъем царит сейчас в городах и селах Украины. В легендарной Каховке состоялся многотысячный митинг. Председатель укрупненного колхоза имени Кувшинова Ирина Богачук призвала всех колхозников делом ответить на заботу партии и правительства. В тот же день многие члены артели значительно перевыполнили норму выработки. В колхозе имени «Первого мая», Скадовского района, знаменитый хлопковод зеньевая Александр Гришко в день опубликования постановления собрал 310 килограммов

хлопка вместо 30 килограммов по норме. С выразительной речью выступил перед своими односельчанами председатель колхоза «Заря коммунизма», Червоноармейского района, Запорожской области, Алексей Сеико.

Мы живем под счастливой звездой коммунизма, — сказал он. — Сооружение Каховской гидроэлектростанции и каналов открывает замечательные перспективы дальнейшего развития всех отраслей хозяйства колхоза.

Прявление артели, выражая волю хлопборцов и садоводов, решили выделить для сооружения Южно-Украинского канала 100 человек, гужевой транспорт и необходимый инвентарь.

О своей готовности работать на строительстве Каховской гидроэлектростанции и каналов заявляют тысячи колхозников республики.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Село имени колхозного садовода

От корреспондентов «Литературной газеты»

Газик катил по извилистой дороге, проложенной в горах. Вдруг шофер, остановив машину, сказал:

— Село старого Макара! Я вот прямо сейчас посмотрел на водителя. Он, кивнув в сторону поселка, подтвердил:

— Да, село Макара. По-армянски — Макарашен. Заедем? На веранде каменного дома пожилая женщина прjala шерсть.

— А где Макара Мацакович? — спросил шофер.

— В саду. Мы спустились в долину, и нашему взору открылся лес деревьев.

— Тринадцать тысяч штук! — гордо изрек всезнающий шофер.

Я усомнился в правдоподобии этой цифры.

— Вот идет Макара Мацакович, он подтверждает, — упорно стоял на своем шофер. Навстречу нам шел дочеря загорелый человек с садовыми ножницами в руках.

— Аюлия, садовод, — представился он и рассказал о саде.

— Здесь теперь тринадцать тысяч деревьев: яблоневых, грушевых, сливовых, абрикосовых, ореховых... Мы разбили сад на бросовых землях, где прежде росла только колючка. Саду немногим больше двадцати лет: столько же, сколько и колхозу.

— И отцом этого сада является Макара Мацакович, — сказал, включившись в беседу, молодой бригадир.

Несколько позже, когда Аюлия отлучилась по делам, бригадир изложил нам историю чудесного сада.

— Земля, которая сейчас в цвету, извечно пустовала.

— Что толку? Хлеб здесь не родится, картошка не растет, — с горечью говорили жители села Гаджикара.

В 1928 году в деревне организовали колхоз. И тогда возникла мысль освоить пустырь. Кто-то посоветовал посадить фруктовый сад. Но скептики, посмеива-

ясь, утверждали, что обязательно вырастет бурьян.

Все же сад был заложен. Пять гектаров. Правление колхоза назначило Макара Аюлия садоводом. По крупицам он накопывал опыт садоводства и вскоре стал на селе самым сведущим человеком в этой области сельского хозяйства. Уже не десятилетия и не сотни, а тысячи пудов фруктов начал ежегодно давать колхозный сад.

Заслуги Макара Мацаковича Аюлия в 1940 году были отмечены орденом Ленина. Ныне имя Макара Аюлия популярно во всей Армении. В первую послевоенную весну — в марте 1946 года — был опубликован указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР о переименовании села и сельского совета Гаджикара, Кировканского района, в село и сельский совет Макарашен. Так республика почтила человека труда, своего знатного колхозного садовода.

И. КРЯЖЕВ

КОЛХОЗ СЕЛА МАКАРАШЕН, Кировканского района, Армянской ССР

Слесарь стал старшим инженером

Был уже поздний вечер, когда Григорий Рузавин, слесарь завода имени Владимира Ильича, бережно сложил чертежи и, откинувшись на спинку стула, задумался. Работа над дипломным проектом подошла к концу. Перед глазами отчетливо, во всех деталях вставал спроектированный им инструментальный цех машиностроительного завода. Это был вполне современный цех, оснащенный современной техникой, обеспечивавшей высокую производительность труда Рузавин вложил в проект весь свой многолетний опыт высококвалифицированного инструментальщика и рационализатора, все свои знания, приобретенные за время учебы в вечернем институте.

— Нало посоветоваться с нашими инженерами, — решил он. — Что то они скажут! Инженерно-технические работники завода с большим вниманием отнеслись к дипломанту Московского вечернего машиностроительного института. Много пользы принес Ли Рузавину консультация начальника отдела приспосабливаний А. Шленкова, начальника бюро конструирования режущего инструмента Л. Чернышева, инженера Н. Дубровского.

И вот недавно, после четырехмесячного отпуска, предоставленного Рузавину для выполнения дипломной работы, он явился на завод с дипломом инженера по специальности технологии машиностроения. Его дипломный проект получил высокую оценку. Заводоуправление назначило бывшего слесаря на должность старшего инженера-конструктора в отделе главного технолога.

Григорий Рузавин — один из ста трех инженеров, выпущенных в нынешнем году Московским вечерним машиностроительным институтом. На смену выпускникам в институт пришло новое пополнение с заводов и фабрик столицы. Свыше пятидесяти рабочих московских предприятий слали вступительные экзамены и сейчас получают в институте высшее образование без отрыва от производства. В их числе — шифровальщик 2-го Государственного полиграфического завода В. Силиван, окончивший школу рабочей молодежи, токарь механического завода им. Ярославского Н. Самсонов, мастер механического завода «Сантехника» А. Липин, слесарь завода ВАРЗ Ю. Алмазов и другие.

Н. НИКИТУШКИН

«Говорит пастушечья стоянка»

Недавно Горный Алтай услышал в эфире новые, необычные позывные: «Говорит пастушечья стоянка колхоза «Мухор-тархата!» Слушайте последние новости!»

Платон ВОРОНЬКО

Удивительное время

Вы знаете, что такое черная буря? Весной в степи быстро сходит снега и буйно поднимаются озимые посевы. Писанки и тюльпанами зацветает целина. Хороша степь под широким небом юга!

Варуг подует тихий ветерок. Он идет низко, бредящим полетом. Четкая линия горизонта расплывается в облаках пыли. Ветер усиливается. И вскоре темнеет белый свет. Полуметровые пласты черноземной волнами поднимаются вверх, уносятся с собой тысячи гектаров посевов. Вспугнутые ветром овцы разбредаются во все стороны и пропадают в черном море. Люди сбиваются с ног, они задыхаются, как в дыму, а когда застывает ветер и оседает пыль, вместо густых посевов и цветущих трав во все стороны, куда ни кинешь оком, лежит черная взъерошенная земля. Пустая земля.

Такие бури нередко бывают на юге Украины. Бывают, но скоро их не будет. Не будет засухи на просторах Поволжья. Не будет страшных «афангев» в Кара-Кумах. Наступило удивительное время, время, опережающее мечты.

Нынешним летом я встретил молодого агронома, сильного, жизнерадостного человека. Он приехал с Херсонщины, загорелый, усталый и алый.

— Горит степь, — сказал он. — Как от пожара, спасают колхозники урожай, но это не всегда удается. А земля такая, какие пласты чернозема — богатство неисчерпаемое! Что, если бы из Днепра провести метровые трубы, поставить сильные насосы и поливать! Все поливать!

Метровые трубы! Он даже не мечтал, что вскоре по гениальному плану Сталина Днепр потечет в эти степи. И не только на юг Украины. Днепр пройдет через Сиваш, оросит равнины Северного Крыма и разольется около Керчи. Молодой агроном говорил о сильных насосах, но около Каховки будет построен новый Днепрострой мощностью в 250 тысяч киловатт. Этой энергии хватит и для сверхмощных насосных станций, и для электропугов, и для многого другого.

Что же будет, когда вступит в строй великая оросительная система на южной Украине, в Северном Крыму, когда начнут работать турбины Каховского Днепростроя, когда дадут энергию гиганты на Волге и зацветет широкое Поволжье? Что будет, когда Большой Туркменский канал орошит каравукские пески? Об этом стоит помыслить. Но самые крылатые мечты не способны охватить того, что осуществляется на нашей земле через 6—7 лет.

Великая радость владеет нами сегодня. Говорить с писателями, — радуются. Это — счастье народа, которое они воспевают. Говорить с учеными, — радуются. Это — самые большие открытия науки. Говорить с рабочими, — радуются. Это — торжество рабочего класса. Говорить с колхозниками, — радуются. Это — новая победа над стихией, это — изобилие.

Но есть за рубежом нашей страны люди, или, точнее говоря, выродки чуда человеческого, которые стараются омрачить нашу радость. С ног сбиваются они в своих стараниях, стремятся разжечь новую мировую войну, грозят атомными бомбами. Они хотят помешать осуществлению великой сталинской мечты. Этому не бывать! Честные люди всего земного шара видят, чем мы заняты, понимают, что мы строим, знают, куда, к какой великой цели ведет нас полководец мира товарищ Сталин.

Мы вырастим сады и хлопковые плантации на засушливом юге Украины, в степях Северного Крыма, мы возведем светлые и зеленые агрогорода. Не страшна будет засуха погодливым массивам пшеницы в Поволжье. Мы увидим в Кара-Кумах тропические леса, богатые виноградники, миллионные стада овец на зеленых лугах. Мы увидим огни новых гигантов на Днестре, Волге и Аму-Дарье. Пороку этому — воля нашего народа, мудрость великой коммунистической партии, светлый творческий гений товарища Сталина.

Да здравствует осуществление мечты! КИЕВ

НА ТРАССЕ БУДУЩИХ КАНАЛОВ

КИЕВ. (Наш спец. корр.). Строительство Каховской гидроэлектростанции, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов позволит расширить на юге Украины размеры посевных площадей, поднять урожаи хлопчатника, пшеницы и других сельскохозяйственных культур. На новых землях засаживаются сады. Обильно орошаемые земли покрываются виноградниками.

Чтобы в срок осуществить сталинский план преобразования природы, понадобятся усилия всего украинского народа. И трудящиеся Украины заявляют о своей готовности принять активное участие в создании величайших гидротехнических сооружений современности. Люди горят желанием приблизить сроки победы над засухой.

Оживленно в эти дни в республиканском тресте «Укрводпроект». Из разных мест приходят сюда сообщения о ходе изысканий на трассе будущих каналов, готовятся задания для новых экспедиционных отрядов, составляются топографические карты. В беседе с нашим корреспондентом исполняющий обязанности главного инженера треста Г. Васюкович рассказал:

— Украинским ирригаторам, сотрудникам водохозяйственных проектных организаций никогда еще не приходилось выполнять работы такого большого масштаба и в такие сжатые сроки.

После войны мы довольно быстро восстановили оросительную систему, построили новую на площади, превышающей довоенную. Но прежде темпы работы ныне нас удовлетворяют не могут.

Мы уже практически приступили к работам на трассе будущих каналов. В районе Запорожья, в том месте, где пройдет Южно-Украинский канал, сейчас находится две топографические экспедиции; в районе Каховки — третья экспедиция, в которую, помимо топографов, входят также геологи и почвоведы. Участники экспедиций ведут изыскания на всем каховском массиве и на трассе будущего канала возле знаменитого заводчика Аскария-Нова.

Там, где будет создано Молочинское водохранилище, находится один из отрядов четвертого Геологического управления, в районе сооружения гигантской плотины Каховской ГЭС — экспедиция Украинского отделения Гидроэнергопроекта.

Сейчас в тресте «Укрводпроект» комплектуются еще 12 комплексных экспедиций. В их состав войдут: топографы, геологи, почвоведы, экономисты, агрономы и проектировщики.

Фронт изыскательских и проектных работ на Южно-Украинском и Северо-Крымском каналах расширяется с каждым днем.

«О МАСТЕРСТВЕ ЛЕКТОРА»

Статья «О мастерстве лектора» («Литературная газета», № 75) вызвала широкий отклик. Редакция получила и продолжает получать многочисленные письма читателей. Некоторые из этих писем мы публикуем сегодня.

О мастерстве лектора и энтузиазме ученого

В порядке честной самокритики нужно признать, что наши лекции часто бывают и бледными, и скучными, и бесстрастными. Оставаясь в стороне совершенно правильные соображения автора статьи, я, как старый преподаватель, хотела бы указать на то, что автор, по моему мнению, все же не раскрыл главной причины критикующих им недостатков. Основной бедой некоторых лекций являются их малая научная ценность и отсутствие подлинно научного подхода к излагаемому перед студентами курсу.

Тов. Кукина пишет, что серия, неинтересная форма изложения, «душной академизм» — результаты недостаточного овладения марксистским диалектическим методом. Это совершенно правильно. А овладеть марксистским диалектическим методом для преподавателя марксизма-ленинизма означает, что он должен быть не только лектором-популяризатором, излагающим учебный материал, но и научным работником, самостоятельным исследователем.

Лекция — основное звено учебного процесса — должна быть и учебной и научной. Она должна не только разъяснять, но и обязательно приобщать студентов к научному мышлению, вовлекать в глубокие захватывающий процесс развития теории научного коммунизма, ибо только таким путем сможет студент не догматически, а творчески освоить основы марксизма-ленинизма, как руководство к действию.

Но нельзя, как мне кажется, показать убедительно студенчеству всю захватывающую и всепоглощающую силу научных идей марксизма-ленинизма в их движении, если сам лектор — пусть самый яркий и талантливый — остается вне этого движения, если он — только толкователь своей науки, а не борец за ее дальнейшее развитие. Вальс, дуэнька академизма, невысокое преподавательское мастерство — все это результат отсутствия подлинного энтузиазма ученого, который неотделим в нашем деле от энтузиазма пропагандиста и агитатора.

Такой энтузиазм ученого может быть доступен только тем, кто сочетает в себе преподавателя с научным исследователем, кто может заразить студентов своим горением, своим научными поисками, заставить их творчески мыслить.

А если нет этого горения, этого энтузиазма, то сколько бы преподаватель ни распекал свою лекцию самыми яркими иллюстрациями, все же его мастерства не надо хватить. Проходит год-другой — и интерес к его лекции, лишенной внутреннего движения, начнет потухать. Конечно, ни один из нас, преподавателей, не имеет права говорить серым, неярким, неинтересным, попускать грубые погрешности в стиле, а тем более — неяркие формулировки... Но ведь бедность речи — очень часто лишь отражение бедности мысли. А богатство мысли очень часто побеждает и покоряет аудиторию в скучных, на первый взгляд лишенных всякого блеска формах, побеждает глубочайшей внутренней убежденностью, творческим овладением материалом, смелой постановкой вопроса, раскрытием неуловимой логики борьбы и победы нашей великой теории.

Научно мыслящий преподаватель — ученый, связавший в единое целое свою педагогическую и научную работу, — сможет иллюстрировать и оживлять свою лекцию, черпая эти иллюстрации и из

художественной литературы, и из естественных наук, и (это очень важно) из творческих работ зарубежных стран, ставя все эти учебные средства на службу своей главной цели.

К сожалению, в нашей среде еще прочно укоренилось такое порочное разделение труда, когда тот, кто пишет научные труды, как правило, не преподаёт, а тот, кто преподаёт, или ничего не пишет или представляет диссертацию, которая, будучи защищена, означает собой и начало и конец его научной работы. Уничтожить этот недолгостимый и неперспективный разрыв между теорией и практикой — значит во многом содействовать воспитанию в преподавателях мастерства лектора.

З. МЕЛЕЩЕНКО,
кандидат философских наук

ЛЕНИНГРАД

Сегодня... как и 10 лет назад

Вопрос о мастерстве лектора, читающего курс основ марксизма-ленинизма, заслуживает внимания широких кругов советской общественности, хотя бы по одному тому, что эту дисциплину изучают сотни тысяч студентов высших учебных заведений. Основы марксизма-ленинизма, больше чем любая другая научная дисциплина, влияют на формирование коммунистического мировоззрения.

Преподавание основ марксизма-ленинизма требует больших знаний и мастерства. Этому последнему моменту некоторые преподаватели не придают должного значения.

Еще на первом совещании руководителей кафедр марксизма-ленинизма в июле 1939 г. тов. Кафтанов, отмечая в своем докладе достижения в преподавании основ марксизма-ленинизма, указывая на ряд недостатков. Эти недостатки заключались в следующем: «...неумение в ясной и доступной форме... изложить сущность идей марксистско-ленинской теории», преподавание «недостаточно увязывается с фактами современной жизни», «скучное, монотонное изложение ярчайших событий из истории нашей партии».

Через пять лет — в 1944 году — уже на 3-м Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук тов. Кафтанов снова указал на недостатки, в них опять были в основном те же: «элементарный формализм», «буквоедство, начитанность».

Если теперь обратиться к недостаткам, найденным «Литературной газетой» в 10 прочитанных в прошлом учебном году и застеночно-франшизованных лекциях, то окажется, что за десять прошлых лет они в основном остались прежними. На вопрос о том, как устранить их, тов. Кафтанов в 1944 году отвечал так: «В чем секрет успеха в преподавательском деле? В глубоком знании предмета. Если преподаватель хорошо знает предмет, то всегда найдет и форму».

Слов нет, глубокое знание предмета, постоянно обогащаемое и пополняемое, — первое условие для успеха лекции. Но оно не единственное. Совершенная форма лекции не приходит сама.

Зачастую вопросы совершенствования формы лекции у нас недооцениваются. Если бы требования к форме лекции хоть в некоторой степени приближались к требованиям, предъявляемым к ее содержанию, то тогда гораздо лучше разрабатывалась бы и методика лекций.

Нужно отказаться от взгляда, что форма лекции имеет третестепенное значение. Нужно решительно браться за неудовлетворительные по форме лекции. Надо согласиться с тем, что лекция — это искусство, искусство, требующее знания его приемов и правил.

Совершенствование формы лекции является результатом длительного, систематиче-

ского труда и повышения требовательности к себе, умения прислушиваться к критике лекций со стороны других преподавателей и, что особенно важно, к критике, идущей снизу — от студентов.

Все это, несомненно, поможет ликвидации недостатков в лекционной работе по преподаванию основ марксизма-ленинизма.

Р. АМБУРСКИЙ,
доцент кафедры марксизма-ленинизма
МОСКВА

Что нам мешает

В статье «О мастерстве лектора» правильно критикуются лекторы, которые читают скучно, не используя художественную литературу. Но задумался ли автор статьи, почему даже те преподаватели, которые знают, любят художественную литературу и могли бы использовать ее в лекции, не делают этого? Может быть, они избегают дополнительного труда, необходимого для улучшения формы своих лекций? Нет, дело не в этом.

Подвигавшее большинство преподавателей основы марксизма-ленинизма — это люди хорошо подготовленные, культурные, любящие свой благородный труд и искренно стремящиеся увлечь нашу учащуюся молодежь изучением самой передовой теории в мире. Нельзя сказать, чтобы преподаватели основ марксизма-ленинизма в массе своей не понимали огромного значения формы лекций, не понимали насущной необходимости улучшения ее. Но каждый преподаватель основы марксизма-ленинизма связан планом курса, он должен укладываться в установленное количество часов, которых явно мало. Это вынуждает его поспешно скакать по всем вопросам «галопом».

Преподаватели сплошь и рядом не могут справиться в отведенные им часы с самым необходимым материалом, не говоря уже о привлечении художественной литературы. Преподаватель основы марксизма-ленинизма обязан идти в ногу с жизнью, обязан обобщать новые явления в нашем обществе. План курса основы марксизма-ленинизма должен учесть это и создать преподавателю условия для подлинно творческой работы.

Мы полагаем, что наряду с вопросом увеличения количества часов в курсе основ марксизма-ленинизма. В настоящее время на этот курс отводится 250 часов. Их следует увеличить по крайней мере до 300. Тогда преподаватели смогут глубже охватить в лекциях коренные вопросы курса, тогда они получат возможность широкого использования художественной литературы и решат, таким образом, задачу улучшения формы лекций.

А. ВИКЕНТЬЕВ,
кандидат экономических наук
МОСКВА

Форму не жалуют

Требование повысить мастерство лектора должно быть предъявлено, по-моему, не только к преподавателям высших учебных заведений, но к значительно более широкой категории лекторов, и в первую очередь к лекторам партийных организаций и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Слушатели, заполняющие лекционные залы рабочих и колхозных клубов, — это благодарная, жадно стремящаяся к знанию аудитория. Но иногда бывает, что лектор, много и упорно трудившийся над лекцией, с болью в сердце замечает, что аудитория не слушает его, что слова его не доходят, ибо форма лекции неудовлетворительна.

Вопрос формы лекции уделяется у нас несправедливо мало внимания. Кемеровский обком ВКП(б) периодически созывает лекторов на семинары. Но странно, что на этих семинарах совершенно не учат, как читать лекции, разбирая их исключительно со стороны содержания. Вопросы методики, языка, стиля не обсуждаются совершенно. От лекторов на этих семинарах даже не требуют ясно-

жения лекции, они просто прочтывают свой текст, который затем подвергается разбору с точки зрения правильности теоретических положений. Откуда у нас такое пренебрежение к форме? Почему забывается азбучная истина марксизма о том, что форма должна соответствовать содержанию?

А. ПЛИШКАНЬ,
лектор ГК ВКП(б)
БЕЛОВО, Кемеровской области

Нужна помощь

Пора, давно пора серьезно заняться вопросом повышения лекторского мастерства. От языка лектора в огромной степени зависит доходчивость лекции. Особенно это заметно в молодежных, студенческих аудиториях. Наша энергичная, бодрая, жизнедеятельная по самой своей природе молодежь не терпит бесстрастных, монотонных лекций.

Между тем вопросом совершенствования мастерства лектора уделяется несправедливо мало внимания. Даже не слышен литературы по этому вопросу. То немногое, что выпущается в свет на близкую к этому тему, затрагивает лишь узкий круг вопросов, касающихся правильного литературного произношения, использования художественных образов и т. д. А такие вопросы, как методические приемы лектора, подлинность лекций и т. д., не разбираются вовсе. А мы, лекторы и преподаватели, с жадностью ищем и находим литературы и методических указаний по этому интересному вопросу.

Мы за то, чтобы язык наших лекций был живым, образным, выразительным. Но вместе с тем мы просим: помогите нам совершенствовать свое лекторское мастерство.

Б. МОНАСТЫРЕВ,
руководитель лекторской группы
обкома ВКП(б)
КАЛУГА

Наш счет министерству

Овладение искусством чтения лекций — большое и трудное дело. Но, к сожалению, никто этим делом по-настоящему не руководит.

Изучению и распространению опыта лучших образцов работы повсеместно прилагают у нас колоссальные усилия. А вот Министерство высшего образования в стороне от этого дела. Преподавателями вузов создано немало прекрасных образцов хороших, интересных лекций. Почему бы Управлению преподавания общественных наук не отобрать и не опубликовать хотя бы изредка лучшие лекции? Как бы это помогло нам! Мы получаем иногда приказы Министерства высшего образования с критикой недостатков преподавания общественных наук в тех или иных вузах. Но ни разу не было ни одного документа, в котором давался бы анализ положительного опыта чтения лекций.

До Великой Отечественной войны выходил журнал «В помощь марксистско-ленинскому образованию». Там печатались лучшие лекции, методические статьи, рассказывавшие об опыте преподавания и работе кафедр. Это оказывало нам огромную помощь. Теперь такого журнала нет, и Управление преподавания общественных наук ничем не возместило этот пробел.

Наши пожелания и предложения сводятся к следующему: подготовить программу по курсу основ марксизма-ленинизма; издавать наиболее удачные лекции по этому предмету и выдать лекции на правах рукописей; чаще обсуждать тексты лекций и методику их чтения на кафедрах марксизма-ленинизма; подготовить и издать наглядные пособия по основам марксизма-ленинизма.

П. СЫСОВЕВ,
зав. кафедрой марксизма-ленинизма
педвуза, доцент;
А. ПОЛЬСКАЯ,
ст. преподаватель кафедры
марксизма-ленинизма
АСТРАХАНЬ

Кальдерон по-нальчикски

Поздняя ночь... В черном южном небе скажешь крупные звезды. А в своем кабинете в Нальчикском драматическом театре за письменным столом сидит погруженный в раздумья главный режиссер театра Андрей Николаевич Шереметев. Абажур настольной лампы отбрасывает свет на лежащую перед ним раскрытую книгу. Это — комедия Кальдерона «Сам у себя под стражей». Вокруг разбросаны листы бумаги, написанные бойким почерком Шереметева. Тишина.

Липеровский (гневно отшвырнув карандаш): Чорт бы их побрал, этих классиков. Одно мученье с ними! Кальдерон... Имя-то какое отхватил, а пишет... тфу! Настрелил псыска, а ты мерещишь над ним! (Сладко потягиваясь, мечтательно). Эх, был бы ты жив, синьор Педро-де-ла Барка, все было бы просто: послали бы тебе телеграмму: «выскажитесь доработка пьесы проездом гостиница командировочные счет театра», — и прибыли бы ты сюда, как миленький. Мы с тобой поработали бы, освежили бы твою комедию... И ведь, грешным делом, люблю работать с автором. А то вот приходится все делать самому... (Склоняется над бумагой). Несколько минут пишет. Но движения карандаша постепенно замедляются, и, наконец, карандаш выпадает из его руки...

Странный шорох у двери кабинета. В полумраке комнаты возникает темный силуэт. Андрей Николаевич испуганно откидывается в кресле, беднеет: он видит фигуру в черной сутане, с цепью и медальоном на шее).

Липеровский: Кто вы? Что вам нужно?

Ба и ут: Я — Педро Кальдерон-де-ла Барка, Ради бога, простите за позднее явление... Но вы так бранили меня, что я выдержал. Помните, 270 лет я лежал спокойно и вдруг такая брань. Неужели ушел я в тот мир, не очистив душу от всех грехов? И потом ваше ответственное заявление об оплате мягкого вагона... Словом, простите, я прибыл.

Липеровский (овладев собой): Вот уж не ждал! Да вы ли это? Такая честь! Кто-то, а вы могли рассудывать и на вагон международный! Прощу вас — присаживайтесь...

Кальдерон (отвечивает церемонный поклон): Не тревожьтесь, я лучше всего. Наважаюсь, знаете ли.

Липеровский: Будем, синьор, деловито... Курите? Прощу... Дело к вам, в общем, не мудрецо... Я решил поставить вашу комедию «Сам у себя под стражей» (Кальдерон отвечает сие один поклон). Но, если говорить прямо, не все меня в вашей комедии устраивает. Она, конечно, остроумна и забавна, но... некоторые ее герои — плохие люди. Это неправильно!

Кальдерон: А как же быть с шлоями людьми?

Липеровский: В конце пьесы плохие люди должны стать хорошими... Кальдерон (смущенно): Право, не знаю, как это сделать...

Липеровский: Очень просто. Проведите прием — всеобщая свадьба. Для репертуара свадьба — лучший подарок. Это у вас в комедии? В финале только одна свадебная пара — принц Федерико и принцесса Маргарита. Почему остальные должны оставаться в стороне? Почему бы, например, не поженить слугу Федерико — Роберто со служанкой Серафимой? А такую красавицу, как Елена, — оперница Маргарита, разве можно ее оставить на пристроенной?

П. СЫСОВЕВ,
зав. кафедрой марксизма-ленинизма педвуза, доцент;
А. ПОЛЬСКАЯ,
ст. преподаватель кафедры марксизма-ленинизма
АСТРАХАНЬ

Школа имени Янки Купалы

Решение правительства Белорусской ССР исполнено. Новая семилетняя школа в Белоруссии приняла решение о постройке школы в деревне Беларучи, Минской области, где на заре своей юности учился народный поэт.

Кальдерон: Помилуйте! За кого же может пойти такая высказательная особа, как Елена? Кто ее утешит в горе? Ведь у нее погиб брат. Ей не повезло в любви к Федерико!

Липеровский (лукаво): А брат Федерико на что? Чего он зря болтается? Пусть женится на Елене!

Кальдерон (в ужасе): Как? Да он совсем не знает друг друга! Никак же не виданы! Они же первый раз встречаются!..

Липеровский: Любовь с первого взгляда — самая сильная. Факт! Проверено неоднократно!

Кальдерон (заволавлено): Помилуйте. Вы требуете невозможного! И буду жаловаться в Комитет по делам искусств.

Липеровский: Бесплезно, синьор. Есть приказ комитета, запрещающий изменять текст произведений советских драматургов. О вас, классиках, извините, приказ умалчивает...

Кальдерон (в отчаянии): Что же мне делать?

Липеровский: Покоритесь... Я должен объяснить вам, что у нас, в Нальчике, освещать классиков стало традицией. Вот лет десять назад мой предшественник в этом театре поставил комедию нашего отечественного классика А. Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь». И он ее смело освещил путем включения в нее материала из другой его комедии — «Праздничный сон до обеда». Очень талантливо склеил!

Кальдерон (про себя): Ужас... Ужас... (с последней надеждой). Слушайте: не ведь нужно дописывать стихи, а я дряхлю и писать уже не могу...

Липеровский: Это пусть вас не беспокоит. Я все напишу сам прозой, настоящей, честной прозой. Ведь и Шекспир пользовался таким приемом! Да и вы им не брезгуете?

Кальдерон: Но у меня прозой говорят простые люди, а знатные говорят стихами.

Липеровский: А это — извините — ваша принципиальная политическая ошибка... (в окне начинает синеть рассвет. Кальдерон видит это и в ужасе пятаки в деревья).

Кальдерон: Простите, мне пора... (исчезает).

Явление Кальдерона в кабинет Липеровского припрятанным читателем может быть подтверждено законом сомнения. Но несомненный факт, что в Нальчикском театре идет комедия Кальдерона в возмутительной редакции А. Н. Липеровского. Бесспорный соавтор испанского классика пережил всех героев комедии, не избежал этой участи и гордая красавица Елена. Свадьба — так свадьба!

Безнаказанность художанской расправы с Кальдероном, видимо, вдохновила Липеровского на новые «подвиги». В театре идет пьеса «Аленький цветочек», являющаяся не чем иным, как инсценировкой Липеровским сказкой ключницы Пелагии из повести Аксакова «Летские годы Багрова-внука». Мы не будем вдаваться в качество инсценировки — пусть этим займется Комитет по делам искусств. Заметим только, что на афише свою фамилию Андрей Николаевич поставил, а вот о старике Аксакове забыл...

Плохи дела классиков в городе Нальчике! Чего нельзя сказать о делах Липеровского...

Александр РОЗЕН

На вахте мира

У фабричных ворот большой плакат: «Молния! Коллектив фабрики имени Ленина встал на стахановскую вахту мира».

На входе в заводчане выступают помощники мастера Андрей Иванович Петрушин: — Мы, советские люди, находимся в первых рядах борьбы за мир. Выходя предать продукцию только отличного качества. Это процентов отличного качества...

...Поворотным днем в жизни Обуховской ткацкошвейной фабрики имени Ленина, началом новой ее истории был день, когда коллектив узнал о почине Александра Чухляка.

На предприятии и до этого дня боролись за качество. Десятки тысяч процентов всей продукции шли первым сортом. Что же касается остальных четырех процентов, то их обычно оправдывали старинной поговоркой: «Фабрика — большое хозяйство, здесь всякое может случиться».

Семьдесят две бригады отличного качества встали на Обуховской фабрике против привычных понятий. Инженеры настойчиво боролись за такие организационно-технические условия работы, при которых исключался брак. По понедельникам рабочие стали проводить открытую разработку, своего рода общественный просмотр изделий второго и третьего сорта. Держали ответ перед коллективом и ткачихи, и помощники мастера, и мастер, и начальник производства.

Начало восьмидесяти напряженного соревнования. Коллегия Министерства легкой промышленности рассмотрела производственные показатели Обуховской фабрики. Сортовость достигла небывалого процента — 99,3. Министерство и ВЦСПС присво-

ли предприятию почетное звание «Фабрика отличного качества».

Человеку творческого труда признание необходимо. Ставлевар и текстильщик, строитель и писатель жадно, что их работу признает народ. Но признание — это не только большая радость. Это еще и пробный камень, на котором испытывается характер человека. От того, как человек обидится со своей славой, зависит все его дальнейшее творчество.

Мне рассказывала Евлампия Михайловна Романова, член партии, старая ткачиха: — Удивительное настроение было, когда нам авданы отличные присвоения. Дома нам подражает. Он на соседнем, на коровнем комбинате работает. Устал, конечно. «Да, говорит, это замечательное достижение — 99,3. Это значит, из тысячи платков всего-навсего семь второго сорта!» Как он сказал, меня словно в сердце колющая. Шутка ли, на тысячу платков — семь бракованных (я только так второй сорт понимаю).

На следующий день в партийный комитет фабрики пришли посоветоваться три работницы-сменщицы. Член партии Романова и беспартийные Иточкина и Абакумова. Секретарю парткома тов. Туманову они заявили, что недовольны существующим процентом сортовости, что процент продукции первого сорта может и должен быть выше. Плохо еще трудится коллектив!

— Критика вещь хорошая, — сказал Туманов, — но что вы конкретно можете предложить?

— Предлагаем больше о своих станках заботиться, — ответила Романова. — Пусть директор передаст нам станки номер 21 и 22, на которых мы работаем несколько лет, на социалистическую сохранность.

— Не просто передать, — добавила аккурная Иточкина, — а чтобы оформлено было, чин по чину — актом. И указать обязательства.

— Дело... — согласился Туманов. Сотни машин и станков были приняты рабочими на социалистическую сохранность. Еще недавно знаменитая цифра «99,3» теперь уже никого не устраивала. Началась упорная борьба за десятки и сотни доли процента. К тому моменту, как коллектив фабрики встал на стахановскую вахту мира, процент первого сорта достиг 99,8.

Так обиделся со своей славой отличник коллектив фабрики отличного качества.

Вахта мира. Фабрика изо дня в день выпускает изделия только отличного качества. То, о чем мечтали лучшие люди коллектива, совершилось. Сто процентов первого сорта — таков сегодня нормальный ритм вахты мира.

Понятие «брак», «сортовость» присущи капиталистическому обществу. «Это» — товар первого сорта, — испокон веков приговаривали фабриканты и купцы, — для Невского, для Тверской, для Брестыка. А это будет «деша заставка». На новых станках мы первый сорт работаем. А на этих «дешовских» — второй, третий и... четвертый!

Да, был и такой сорт. Об этом хорошо помнят старые работницы, начавшие свою производственную жизнь еще при «хозяине» — фабриканте Тюляеве. Это они, работавшие первым сортом, вынуждены были покупать в фабричной лавочке в кредит сорт четвертый, а потом расплачиваться из получки подлым Тюляевым. «Для моих фабричных», — говорил Тюляев о четвертом сорте.

Был еще товар вовсе высортный. Продавался он в магазинах «бракованных изделий». Но и здесь предприимчивый хозяин разделял изделия на первые, вторые и третьи «сорта» — гольфабы гольфабы рознь.

И все же господом тюляевым куда как далеко было до современных американских типичней — турмунов, маршаллов и ачеснов. Заставить все маршалловские страны покупать «несортные товары» в кредит с тем, чтобы народы расплачивались за них не только валютой, но и собственной кровью, — такого, надо признаться, не знал фабрикант Тюляев.

Иными идеалами руководствуются советские люди. В стране, где давно уже восторжествовал социализм, где давно уже уничтожено социальное неравенство, борьба за качество стала органической потребностью каждого трудящегося.

— Это у тебя рюкзак пятна капитализма, — сказал старый мастер Иван Федорович Трунов рабочему, сделавшему брак. Рабочий обиделся: «Что же это такое? Капитализм признавать? Но старый мастер по-своему прав. Брак — понятие, несовместимое с целями и задачами социалистического общества».

На партийных собраниях фабрики не раз обсуждался вопрос о сортовости изделий. На одном таком открытом партийном собрании докладчик поставил вопрос, что называется, «ребром». Могут ли существовать второй и третий сорта при коммунизме? Выступили лучшие стахановцы фабрики. При коммунизме, говорили они, каждый человек будет работать по способностям, то-есть только отлично, получать будет по потребностям, то-есть изделия только отличного качества.

Стахановское движение с первых своих шероховатых шагов стало движением за коммунизм.

Фабрика отличного качества — это новый рубеж на пути к коммунизму.

Сто процентов первого сорта... Что же дальше? Кажется бы, если сортовость сто, то вопрос о качестве больше не стоит перед фабрикой, борьба с браком — дело прошлое и соревнование между бригадами, отделами, цехами должно заглохнуть... Ответы на эти вопросы дает сама жизнь.

Я случайно услышал разговор между ткачихой и придилянцем. Ткачиха Александра Николаевна Агапова упрекала придильщика в том, что она два бракованных початка. Разговор шел после работы, и я уже знал, что смена добилась ста процентов отличного качества. Слово «брак» в этих обстоятельствах звучало, по меньшей мере, странно. В чем же дело? — Дело нехитрое, — ответила Александра Николаевна, — случалось у нас и прежде не раз, что придильщики дают неравномерную пряжу — толстую нить. Заложит ткачиха такой початок, видит, что

нить толстая, и отложит обратно, чтобы на качество изделий не отразилось. Мы с этим всегда мирились: потребителю, мол, нет дела до того, что тут у нас между собой происходит. Ну, а теперь не хотим мириться. Ничего... я с ней в понедельник на общественной «перекатке» побеседую, — добавила она сердито.

— Как же это ОТК пропускает? — спросил я.

— Почему тут ОТК? Брак внутрипочаточный. Об этом только она знает да я. Теперь вся фабрика узнает.

На очередной общественной просмотр были вызваны, кроме того, три ткачихи. Их обвинили в браке. Брак? Начальник ткацкого производства Иван Дмитриевич Сазонов нахмурился, вздохнул и объяснил: — Отделочный цех получил от нас основу с неровностями. Такое и раньше бывало. Ведь это только в отделе становяется заметно. Ну и мириться, исправляя в отделе. А теперь не хотят мириться. И правильно. И, как начальник ткацкого производства, считаю критику справедливой.

Мне приходилось наблюдать острые конфликты, возникающие потому, что люди не хотели мириться с «вечными законами» производства.

Нет, борьба с браком отнюдь не стала менее острой. Но вместе с ростом коммунистического сознания людей она приняла новые формы. И борьба за отличное качество при том, что потребитель получает изделия только первого сорта, отнюдь не стала менее острой. В самом деле, разве есть такой советский закон, что хорошая вещь не может быть улучшена? Нет! Такой закона. Неписанное правило советских людей — изучать и изучать хорошо сделанные вещи. Начальник отделочного производства Валентина Герасимовна Казаганова уточняет: «Речь идет о внутреннем содержании платка».

В своем социалистическом обязательстве она пишет: «Обязуюсь разработать и внедрить новые режимы промывки и крашения, обеспечить высокие показатели прочности...».

«Внутреннее содержание платка» улучшается. Об этом говорят потребители, любящие новыми красивыми расцветками, придирчиво осматривая добротность.

— Мы теперь ста процентов добились, нам виз никак нельзя, — сказала мне Мария Ивановна Ивчинкина, знавшая стахановку-винощицу, у которой за 28 лет работы «никогда ничего не случалось». И, подумав, прибавила: — Стахановскую вахту мира мы на семидесяти дней объявили. Но думка есть такая: мы с этой вахты не сойдем.

«Мы не сойдем с вахты мира!» Эти слова, сказанные много видевшей, молодой женщиной, с предельной чистотой и строгостью выражают мысли большого рабочего коллектива Обуховской фабрики имени Ленина. Да, полно, только ли этого славного коллектива! Не есть ли эти слова — выражение мыслей миллионов советских людей, умудренных большой творческой жизнью, непримиримых в своем стремлении отстоять мир во всем мире.

Обуховцы включились в предоктябрьское социалистическое соревнование. Беспредельно растет выработка стахановцев, неземными завоеваны позиции. «Один сорт — первый!» — это стало законом жизни коллектива. Работая, люди постоянно следят за всей жизнью страны, за событиями во всем мире. Они каждое слово ополняют самую тесную связь между своим скромным трудом и великой борьбой за мир, которую ведет наш народ. Обуховцы встречают предстоящую

О МНОГОПЛАНОВОМ РОМАНЕ

В нашей литературе все отчетливее проявляется стремление к созданию многопланового романа с большим количеством героев, составляющих в сочетании с главным героем творческий коллектив советских людей. Это явление новаторское. Можно предвидеть, что с каждым годом нашего движения к коммунизму таких романов будет все больше, потому что все более интересным, захватывающим будет созидательный труд и, следовательно, все глубже и неотрывнее будут связи человека с коллективом.

Трудно представить себе, что сейчас могло бы появиться произведение, где было бы только два, три героя — он и она или знаменитый треугольник. Ведь и он, и она, и третий (или третья) имеют большие общественные связи, определяющие их психологию и поведение. Всякая попытка вырвать их из окружающей среды привела бы к однобокости, к обеднению образа, к искажению жизненной правды. Кстати, и в классической русской литературе наиболее глубокие и правдивые произведения всегда выходили за рамки личной судьбы, давая картину жизни общества, связывая эту судьбу с влиянием общества. Не существовало бы одного из величайших произведений мировой литературы, если бы Толстой не вышел за рамки драмы: Каренин — Анна — Вронский, не развернул бы широкую картину жизни и нравов их среды, да и самой драмы не было бы вне этой среды! Чацкий противопоставит обществу, алчущему и ханжеству которого развращены в целом галерея запоминающихся образов, «Вечный Онегин» написан с такой широтой общественных и философских обобщений, что справедливо назван Белинским «энциклопедией русской жизни».

Насколько же глубже и крепче в советском обществе связи человека со своей средой и насколько обязательнее широкий общественный фон для изображения советского человека! По достоянию ли только фон, на котором герой может быть оживлен? Мы знаем такие книги: «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке». Однако, мне кажется, что и «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке», являющиеся книгами «одного героя», так ярко раскрывают моральные качества советского человека потому, что оба героя поставлены в исключительные обстоятельства, оба совершают выдающиеся подвиги воли. Представим себе на минуту, что Мересьев примирился с возможностью вернуться в авиацию и переквалифицировался бы, — и станет ясно, что без подвига воли Мересьева не было бы и самой книги или была бы совсем другая книга о том, как тоскующий без любимого дела летчик в новом трудовом коллективе заново находит самого себя, обретая новые интересы, новую любовь и счастье. Сама жизнь, исключительность жизненного факта подталкивала писателя естественную форму художественного воплощения этого факта — форму романа с одним героем и одной судьбой в центре повествования.

Так же естественно возникает многоплановый роман с многими героями и одним центральным героем — коллективом, когда материал книги является созидательным трудом народа, решение какой-либо большой творческой проблемы — производственной или научной. Сама жизнь вносит поправки в первоначальные замыслы писателя, подталкивает его к той форме, которая дает наиболее возможности воплощения основной темы и материала.

В годы первых пятилеток я начала писать повесть о комсомольце Сергее Грачунине, который был послан комсомолом на большое строительство, но испугавшись лишений и трудностей, бежал со стройки и тем самым превратил свою недавно юную жизнь в мучительную и постыдную. Исходила из одного факта, одной судьбы, описавшей в поле моего зрения. Но когда я начала писать и вплотную столкнулась с самим строительством, с молодежью, съехавшейся на берег Амура со всех концов страны и составившей коллектив, в котором Сергей, изловленный, неустроенный, был лишь одиночкой, — рамки повествования сами собою раздвинулись, в него ворвались другие герои и другие проблемы, обобщенные вокруг темы строительства нового города и процесса воспитания человека в труде, в преодолении трудностей, в социальном коллективе. Судьба Сергея Голыцина осталась, как одна из линий, развивающих эту тему. Так появились «Мужество». Логика темы — формирование социалистического человека, логика материала — решение коллективом строительской народнохозяйственной задачи — подкачала форму романа, как произведения многопланового, «многогеройного».

Всерадостное строительство крупнейшей в мире гидростанции на Волге, на Днестре, строительство Главного Туркменского канала и каналов на Украине и в Крыму привлекает внимание многих писателей. Уже сейчас дух захватывает от грандиозности и привлекательности материала, который так и видится воплощенным в художественных образах. Вдохновленный труд проектировщиков и организаторов строек, борьба за новаторское решение интереснейших научно-технических проблем, потоки добровольцев, устремившихся на Волгу, Аму-Дарью и Днестр, помощь колхозов стройкам и возведение строек на людей колхозов... Какие тут появятся романы! И, по всей вероятности, это будут романы многоплановые со многими героями и одним центральным героем — коллективом. Иначе такой роман даже приблизительно не охватит сути явления.

Иногда приходится слышать рассуждения о том, что обращение писателей к одному и тому же жизненному материалу может вызвать однообразие, повторы в литературе. Думается, что повторы и однообразие могут быть только в тех случаях, когда литератор ремесленнически работает по готовой схеме, по стандартной заготовке. Тогда получаются однообразно правильные секретари партбюро, приходящие в по-

следнюю минуту, на подобие «скорой помощи», для разрешения всех конфликтов и недоумений; тогда на место реальных жизненных конфликтов и проблем подставляется декоративная и уже использованная схема, вроде той схемы — новатор и директор-делегат, — о которой писал Н. Погодин. Подобное ремесленничество компрометирует не тему, не материал, а самого литератора. Путь преодоления этого зла один — борьба с недобросовестным и поверхностным ремесленничеством. Я уверена, что самостоятельно и вдумчиво работающие писатели из одного жизненного материала извлекут разные наблюдения, потому что из всего богатства жизненного материала каждый писатель отбирает только то, что ему нужно, что «работает» на его идею. Поэтому несколько писателей могут взять, скажем, за романы на материале строительств волжских ГЭС, и каждый роман будет неповторим, как неповторима человеческая индивидуальность. И, надо надеяться, это будут романы о людях труда, а не романы «на производственную тему!»

Не знаю, кто пустил в ход этот неудачный термин, путающий порою и писателей, и редакторов, и издателей. Невольно вспоминается, как в тридцатых годах иногда появлялись анонимы, что писатель такой-то пишет роман «о молочной промышленности», а такой-то — «о кожевенной» и т. п. Романы эти, понятно, в свет не выходили. Нынешний неверный термин возник как поверхностная реакция на то, что нам действительно очень нужны и интересны книги о людях производственного труда, о громадном созидательном труде народа, о передовых героях заводов и фабрик, лабораторий и строителей. Но разве называть «производственным» романом «Далеко от Москвы» Ажаева, хотя мысли, чувства, чаяния, борьба, личные судьбы многочисленных героев романа сконцентрированы вокруг производственной задачи — строительства нефтепровода?

Читатель с волнением следит за решением проблемы, по какому берегу прокладывает нефтепровод, и за ходом строительства, потому что борьба точек зрения, самый труд и все частные производственные вопросы, поднятые в романе, даны Ажаевым как дело страсти, души советских людей, как страсти, вокруг которого разворачиваются их отношения, их судьбы. Если бы Ажаев ограничился показом самого производства, не раскрыл образ героя всесторонне, со всем их душевным содержанием, романа не получилось бы, жизненная правда была бы искажена.

Мне кажется, что основанная на интересном заводском материале повесть Шебунина «Сталханович» проиграла оттого, что автор как бы оторвался от производственной линии повествования и раскрыл жизнь своих героев во всей полноте. В повести Шебунина любовь Артемова и Марины дана «довеском»: автор берется за нам самые первые встречи героев, затем забывает о них, неожиданно вскользь сообщает, что Артемов нетерпеливо спрашивал Марины, куда же они пойдут в ЗАГС, а Марина отвечала: «Подожди немного, ведь нам и так хорошо», — и наконец к концу повести вводит конфликт между вылюбленными. Конфликт этот в том, что Марина захотела уехать вместе с Артемовым в Москву, бросив завод. Вся эта любовь недовольства, потому что любя-то и нет! Не могла девушка-инженер не понять внутреннего мира любимого человека, а если и могла случиться такое, то образ был бы совсем другой, не похожий на созданный автором. Не могли двое любящих за несколько месяцев любви не поделиться своими мечтами и планами, — ведь кроме желания пойти в ЗАГС есть еще и внутренняя потребность соединить две жизни, есть совместные планы, как эту общую жизнь устроить, и они много раз обсуждают вылюбленных. Неестественно и то, что Артемов, человек прямой и сильный, мог из дешевого самолюбия скрывать от любимой все, что, по его собственным словам, наполняет всю его жизнь.

Показывать героя лишь постольку, поскольку он нужен для «производственной темы», с механическим отключением всего остального, — попытка бесплодная и бесплотная, как всякое механическое ограничение богатства, красоты и многообразия реальной жизни.

Современный роман о нашей действительности всегда, в конечном счете, является повествованием о формировании нового человека эпохи перехода к коммунизму. Конечно, отношение к труду — определяющая черта этого человека, но ведь она не существует изолированно от всего мировоззрения и психологии! Изменив отношение к труду изменило самого человека — появилась тяга к творчеству, к познанию нового, возникли новые искания и требования в подборе друзей, в любви, в быту. Человек с коммунистическим отношением к труду ищет вокруг себя людей, способных разделить его интересы и стремления, идти с ним рядом в творческой жизни. Так возникают и новые связи и конфликты. Между этими, как будто «личными» связями и конфликтами и трудовым творчеством человека есть не только прямая зависимость, но и взаимное влияние: личные переживания отражаются на трудовом и общественной активности человека, помогают или мешают, создают осложнения или, наоборот, усиливают душевный подъем, энергию, волю к победе.

Мы знаем, как сильна и плодотворна дружба, как много тепла и света она вносит в жизнь. Мы знаем, какой огромной и вдохновляющей силой бывает в жизни человека любовь, какое влияние оказывает семья — и хорошая и неудачная. Чтобы показать человека в труде, в творчестве, мы должны лепить образ законченный, охватывающий во всем его жизненное содержание. А такое всестороннее раскрытие героя, решающих вместе общую трудовую задачу, естественно, рождает форму многопланового повествования.

Писатель, работающий над многоплановым романом со многими героями, похож на организатора большого и сложного хозяйства. У него в руке много нитей, развивающихся параллельно, сплетающихся и расходящихся. Забудешь, упустит нить — и вся композиция нарушена. Каждая нить, каждая линия романа развивается по своей внутренней логике, часто тянет в сторону, манит новыми возможностями. Поддашься на приманку — и отступишь от идейно-художественного стержня романа, напишешь страничку, быть может, и интересные сами по себе, но вовсе не обязательные, не нужные в данном романе.

Иногда при поверхностном знакомстве с новым романом кажется, что писатель слишком рабросал свое внимание. Но если роман хорошо скомпанован, организован руководящей идеей, читатель легко заметит, что все линии романа необходимы, что ни одну линию не вынешь без ущерба для целого, что все части притягивают друг к другу и «работают» вместе на основную тему. Многоплановый роман можно сравнить с симфонией: в нем, как и в симфонии, много голосов, объединенных ведущей идеей. Да ведь и в самой жизни ни одно явление не существует изолированно от других...

У нас иногда говорят, что писателю, дающему не надо ничего выдумывать, жизнь богаче любого вымысла. По-моему, это глубоко ошибочно. Без вымысла нет творчества. Писатель обобщает свои жизненные наблюдения и превращает их в образы с помощью творческого воображения. Передача литературы, активно вторгающаяся в жизнь общества, не была бы такой, если бы не воспроизводила жизнь в ее движении и перспективах, заглядывая вперед, в коммунистическое завтра. Большая историческая правда дышит в романе тогда, когда писатель находит типизацию и как бы «отрывает» явления новые, зарождающиеся, еще не всем видные, не для всех осязаемые. Обобщение и типизация требуют свободного вымысла, богатства воображения, но, понятно, возникающего не из пустоты, не путем «высасывания из пальца», а из свободного и широкого изучения и осмысления жизни и ее процессов.

Чем свободнее чувствует себя писатель в своем материале, тем богаче и свободнее его вымысел. Только человек, брошенный в современности, как в потемках, успешно хватается за подернувшийся факт, за блеснувший на поверхности конфликт и выписывает их в свое произведение, не проработав их творческой мыслью.

Писатель, хорошо знающий современность, берет десяток жизненных конфликтов и на их основе придумывает одиннадцатый, позволяющий наиболее полно проявить характеры героев и тему произведения. Он свободно сжимает временные рамки, сгущает действие так, как это нужно для композиции, из материала многих наблюдений и раздумий лепит новые образы, обобщающие черты многих наблюдений людей. Чем больше по объему и широте охвата жизни роман, тем важнее компактность, экономность и максимальная выразительность художественных приемов, напряженность основной сюжетной линии и яркость главных, решающих событий и конфликтов.

Писатель не копирует жизнь, а участвует в ее создании. Если он не может оторваться от материала и начинает «списывать» с жизни, получается обычно не большая жизненная правда, а малюсенькая бытовая «правдушка». Все в ней как будто тепло, привычно и подкупает знакомое, но в этой бескрылой достоверности читатель, в конце концов, почувствует большую неправду, потому что затравленный правдой от сегодняшнего, потому что правда — в непрерывном движении, в росте нового, в победе передового начала. И эту большую историческую правду не раскроешь без широких и смелых обобщений, без открытия еще не господствующих, но зреющих явлений.

Из опыта общения с читателями я вынесла впечатление, что наименее убедительными и правдивыми кажутся читателям как раз факты, прямо «списанные» из жизни, — насильственное привлечение читателей к погрузке рыбы в «Мужество», бой Гаврюшки Кривоша с танковой колонной в «Восаде», — потому что такое воспроизведение приносит с собой много частного, случайного.

В первых книгах талантливых молодых писателей, приходящих в литературу со своей темой из гуши практической жизни, многие недостатки порождены тем, что в этих книгах много частного, необобщенного.

Работая последние три года над романом о заводских большевиках, о людях одного цеха и познав все трудности «сопротавления» материала, я убедилась, что не удача, заторы в работе получаются там, где от неуверенности натиснаешь рабски следовать непосредственным наблюдениям, а удача приходит тогда, когда смелее свободно перерабатываешь материал, конкретно изученный, сопоставляя его со многими другими явлениями и процессами, происходящими в сотнях других цехов, на сотнях других заводов. Успех романа Галыны Николаевой «Жатва» определился тем, что она сумела «перенапугать».

К сожалению, об этих важнейших вопросах литературного мастерства — творческом преобразовании жизненного материала, о «технологии» романа, о законах композиции и особенностях ее — совсем не пишут наши критики и литераторы. Конечно, нет единого правила, как строить роман, — каждый писатель находит свои методы, свою композицию, имеет свои приемы, подкаленные самим жизненным материалом и вдохновляющей его идеей. Но изучение и анализ уже накопленного советской литературой опыта были бы интересны и полезны для писателей всех поколений. Теоретическое осмысление живого, развивающегося опыта необходимо в литературе так же, как и в любом другом созидательном труде.

Степану Зоряну

К шестидесятилетию со дня рождения
Дорогой Степан Ильич!

В день Вашего шестидесятилетия секретариат Союза советских писателей СССР шлет Вам, одному из виднейших писателей Советской Армении, сердечный привет. Ваши талантливые произведения, правдиво отображающие жизнь армянского народа, заслуженно пользуются любовью читателей. Вас знают и любят не только армяне, но и дети, для которых Вы написали много хороших произведений, воспитывающих в духе коммунизма. Желаем Вам, дорогой Степан Ильич, долгих лет жизни и новых творческих успехов на благо нашей великой Отчизны.

А. ФАДЕЕВ, К. СИМОНОВ, А. СУРКОВ, А. СОФРОНОВ, Ф. ПАНФЕРОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, Л. ЛЕОНОВ, Б. ГОРБАТОВ, Н. НИХОНОВ, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Как это назвать?

Можно ли считать Богдана Хмельницкого и его боевых соратников, живших триста лет назад, «несгибаемыми большевиками» и «спелевыми людьми советской эпохи»?

Предстоит ли перед читателями герои «Повести о детстве» Федора Гладкова как люди, «увлеченные своим кипучим делом и вооруженные ясным знанием дела»?

Ставить эти незаданные вопросы не было бы никакой нужды, если бы не обнаружилось, что на них существуют не менее разные ответы.

Недавно вышла в свет брошюра, в которой написано следующее: «Расцвет советской науки, литературы и искусства виден в лучших произведениях, которыми порадовала советский народ плеяда писателей — лауреатов Сталинской премии за 1949 год... Идея галереи ярких образов негибких большевиков предстает перед нами со страниц этих произведений. Таковы герои романов... Ф. Гладкова «Повесть о детстве», ...И. Рыбака «Перелазская рада» и многие другие. Увлеченные своим кипучим делом, беспредельно преданные народу, вооруженные ясным знанием дела, они предстают перед нами как лучшие, передовые люди Сталинской эпохи, любовно, внимательно стоявшие у истоков миллионов советских людей».

Видно, автор этих строк не знал, в какое время жили герои названных им произведений, не читал тех книг, на которые так восторженно сослался.

Как же назвать такое отношение к делу? Поиски нужного ответа облегчат сам автор. На другой странице он пишет, что «отдельных недобросовестных работников наш народ называет халтурщиками. Их не много, но они, к сожалению, еще есть».

Что верно, то верно...

Прочитывая нашу книгу озаглавленную «Критика и самокритика — сильнейшее оружие большевика». Написана она И. Мамонтовым. Издана Государственным издательством политической литературы тиражом в 150 тысяч экземпляров! Редактор книги — Б. Гаврилов. Приведенные нами высказывания находятся на стр. 31 и 62—63. В этом без каких-либо затруднений могут убедиться руководители издательства, если они, конечно, солидарны с автором, справедливо заявившим, что «вопрос о борьбе с халтурой во всех областях науки, культуры и искусства имеет важнейшее значение».

В. АНДРЕЕВА

К 40-летию со дня смерти

Л. Н. Толстого

20 ноября исполняется сорок лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Эта дата будет отмечена многочисленными литературными вечерами, докладами, лекциями, выставками, постановками пьес Толстого в театрах.

Литераторы, художники, артисты готовят новые работы, посвященные жизни и творчеству великого писателя.

Как сообщил заместитель директора Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР С. Петров, мемориальные музеи в Москве и Ясной Поляне дополнят и обновят свои экспозиции. На станции Лев Толстой открывается выставка, посвященная творческому пути Толстого, реставрируются вещи, находящиеся в комнате, где умер писатель.

В середине ноября состоится двухдневная научная сессия Института мировой литературы и музея Л. Н. Толстого, на которой будут освещены важнейшие темы, связанные с жизнью и творчеством гениального русского художника.

Подготовлены к печати сборник статей и исследование о произведениях Толстого и первый том новой биографии писателя (автор — Н. Гусев). Книга охватывает период с 1828 по 1855 год. Объем ее — сорок печатных листов.

В репертуаре драматических театров страны видное место занимают пьесы Л. Толстого. «Плоды просвещения», «Живой труп» и инсценировки романов «Воскресение» и «Анна Каренина» идут в 56 театрах Советского Союза. В Московском Художественном театре спектакль «Воскресение» был показан около пятисот, а «Анна Каренина» — около шестисот раз.

Многие театры страны отметили сорокалетие со дня смерти Льва Толстого возобновлением и новыми постановками пьес великого писателя и инсценировок его произведений.

Двадцать театров включили произведения Л. Толстого в репертуар предстоящего сезона. В Московском Художественном театре начались репетиции «Плоды просвещения». Русский Драматический театр имени Грибоедова в Тбилиси покажет в ноябре премьеру спектакля «Живой труп». Эта же пьеса пойдет в театрах Тулы, Магнитогорска, Вейска, в драматических театрах республики Коми, Марийской республики и других.

История одного преступления

Множество фактов и даже просто цифровых данных о национальном хранилище драгоценнейших сокровищ культуры — Всесоюзной библиотеке имени Ленина — приведены в очерках И. Романовского, вышедших недавно под общим названием «Книга и жизнь». И каждый из этих фактов, каждая цифра наполняют гордостью сердца советских людей!

Величайшее книгохранилище в мире! Двадцать с половиной миллионов книг и журналов! Огромное множество редкостных рукописей!

Однако еще в 1913 году В. И. Ленин призвал «...видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу...»

Но и по числу посетителей, и по количеству выдаваемых ею книг библиотека имени Ленина оставала далеко позади и библиотеку конгресса США в Вашингтоне, и парижскую Национальную библиотеку, и библиотеку Британского музея в Лондоне.

Только за один 1949 год свыше полутора миллионов посетителей, семь миллионов выданных книг, — разве это не свидетельство о бурном росте культуры в наше, советское время? Достаточно сказать, что за весь дореволюционный период существования Публичной библиотеки (с 1862 по 1917 год) в ней насчитывалось всего около миллиона книг и журналов. Иные, как уже указано выше, число книг возросло более чем в двенадцать раз! За 1949 год библиотеку посетило больше читателей, чем за весь полувековой период дореволюционного ее существования.

Парское правительство (как и другие буржуазные правительства) отнюдь не было заинтересовано в повышении культуры народа. Неудивительно, что история дореволюционного существования музея и библиотеки Румянцева (так раньше называлась Публичная библиотека в Москве), — история и печальная, и славная одновременно: это более полувек беззаветной борьбы ревнителей русского просвещения с тупым равнодушием царских чиновников.

На пополнение библиотеки не только не отпускалось средств, но даже широкому дарственному потоку книг от частных собирателей-библиофилов властями чинились всевозможные препятствия.

Сколько было упущено и безвозвратно потеряно для народа бесценных книжных собраний, коллекций рукописей и гравюр, хотя иной раз их даже и не надо было покупать, а можно было просто откупавать и перевезти, — но средств не было и на перевозку!

Обо всем этом интересно рассказано И. Романовским в его очерках «Книга и жизнь»; и только об одном из ряда вопиющих случаев хочется привести некоторые из упущенных подробностей, несколько выходящие, правда, за пределы его темы.

Речь идет о знаменитом книжном собрании красноармейского купца Юдина. Собрания эта библиотека состояла из 80 тысяч томов и бесчисленного количества рукописей. Как пишет автор «Книга и жизнь», она была в свое время предложена владельцем «нескольким университетам и публичным библиотекам, в том числе и Румянцевскому музею, но денег у покупателя не нашлось и переговоры остались безрезультатными. В конечном счете Юдин продал свою библиотеку за границу».

Все это абсолютно верно; и все же слова «продал за границу» требуют расшифровки. Как известно, библиотеку Юдина купил специально приезжавший в Россию из Америки некий Бабин — официально для библиотеки конгресса США в Вашингтоне.

Сам господин Бабин представлялся Юдину как «состоящий на службе при библиотеке конгресса в Вашингтоне и заведующий там отделением книг на славянских языках».

Нетрудно, однако, понять, что полномочия и цели господина Бабина, специально прибывшего из Вашингтона в Красноярск, шли значительно дальше его интереса к русской литературе и славянским языкам. Эта мысль подтверждается даже беглым ознакомлением с содержанием библиотеки Юдина.

Состав этой библиотеки не совсем точно описан автором очерков «Книга и жизнь». Он оставил свое внимание только на том, что в библиотеке Юдина были «первые и прижизненные издания русских классиков, комплекты журналов XVIII и XIX столетий, иностранные книги, посвященные России. С особой полнотой были собраны все издания Пушкина. Другой библиофильской страстью Юдина было собрание всех безцензурных или запрещенных цензурой изданий».

Все это тоже абсолютно верно, но отнюдь не одним лишь этим была знаменита библиотека Юдина и не эта именно ее часть предстала агентам американской разведки, подосланным к нему «пополнять библиотеку конгресса».

Истинные интересы господина Бабина были разоблачены им же самим (американская разведка работает вообще грубо) в специально изданной книге: «Библио-

тека Г. В. Юдина в Красноярске. Очерк А. Бабина, Вашингтон, 1905».

Книга вышла на двух языках — английском и русском, и на странице 32 мы читаем: «Как и следует ожидать, библиотека г. Юдина богата книгами о Сибирь — путешествиями по Сибири, сочинениями по истории, археологии и этнографии Сибири».

Другие документы того же собрания касались положения дел на Камчатке и на Аляске, содержали списки первых русских переселенцев в Америку и т. д. и т. д. Перечень Бабина далеко не полон и сделан, несомненно, с некоторой осторожностью в отношении более подробного перечисления тех богатств, какие имелись в библиотеке Юдина.

И, разумеется, не «с особой полнотой» собраны все издания Пушкина, а собственноручные отчеты «Колумбов росписных», уникальные описания Сибири и омывающих ее морей, редчайшие указания на местоположение природных сокровищ, дислокационные документы — вот главное, что интересовало американскую разведку и что она получила при содействии самого Юдина и при благосклонном попустительстве царских чиновников.

Эта шпионская операция, свободно и безнаказанно проведенная американскими разведчиками, была начисто лишена каких бы то ни было романтических атрибутов. Не было ни масок, ни революеров, ни даже подкупа. Исполнялось было только то беспардонно-низкопоклонное хулуство передо американцами, царское правительство и его чиновники.

Хулуство и низкопоклонство были доведены до такой степени, что, по ходатайству американского посла, царское правительство поспешило обеспечить скоростной, прямой, без задержек провоз библиотеки Юдина по железной дороге через всю Сибирь и Европийскую Россию до германской границы. Устроили своего рода «зеленую улицу» для документов и книг, могущих немалую и весьма полезную «дружественной Америке» конкретную, с картой в руках готовиться к захвату богатств русской Сибири, на которые и сейчас продолжают точить зубы господа ачсоны и макартуры всех мастей и оттонов.

Нетрудно себе представить, как довольно ухмылялся в то время еще молодой, но уже многообещающий господин Герберт Гувер, будущий президент Соединенных Штатов Америки, чьи личные конспираторско-колониальные интересы были вполне до Октябрьской революции тесно связаны с Россией.

Какая это действительно страшная и подлая вещь — низкопоклонство! Оно содвинуло дугу перед американцами и колдовского спибриака, каким являлся «герой» неведомой истории — купец Геннадий Юдин.

Стоит в немногих словах изложить его биографию. Отец Геннадий Юдина, житель города Красноярска — замечательный русский математик-самоучка. Он пристрастил своего сына к чтению и собирательству русских книг. Молодой Юдин, разбогатев, отдался своей страсти — собирательству русских книг. Покупал он широко, по-купецки — библиотеками, собраниями, «штатбумагами». К нему попали книги из замечательнейших собраний Подольна, Семеновского и многих других. Деду этому он посвятил тридцать пять лет, затратив около полутора миллиона и превратив их — с купеческой точки зрения — в мертвый, не приносящий дохода капитал.

О том, какие золотые книжные росписи стеклись к Юдину в Красноярск, можно узнать из письма Владимира Ильича Ленину, отбывавшего в 1897 году ссылку близ Красноярска и писавшего тогда М. И. Ульяновой: «Вчера попал так в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который ратуюно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней и я думаю, что это мне удалось». Далее Владимир Ильич пишет: «Онакожилась я с его библиоткой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг».

Однако размеры этого замечательного собрания явно уже превышали силы и возможности его владельца. Юдин начал просто тонуть в книгах! К тому же пришла старость. Материальные дела пошатнулись. Встал вопрос о ликвидации библиотеки.

Известно, что Юдин настойчиво предлагал продать свою библиотеку всем русским книгохранилищам, просил самые минимальные суммы, но безрезультатно.

Именно в это время к Юдину и был подослан из Америки господин Бабин.

И Юдин не устоял... Патристично русскому купца не выдержал испытания денежным соблазном. К тому же окружающие господина Бабина хулуствующие царские чиновники хором твердили Юдину, что отдавая свою библиотеку в Америку, он отдает «угодное просвещению и государю императору» дело.

Так человек, библиотеку которого сам Владимир Ильич Ленин считал «замечательным собранием книг», волею или неволею стал участником преступления перед родной и народом.

А библиотека американского конгресса, получив из рук Бабина «добычу», поставила ее — в полном соответствии с указанием господ с Уола-стрита — в первую очередь на службу разведке.

Открытие филиала Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). 24 сентября в старинном здании по набережной Фонтанки, 36 состоялась торжественное открытие филиала Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здание это, построенное в начале прошлого века лодком Каренги, было передано библиотеке по решению Совета Министров СССР.

Здание Публичной библиотеки на Фонтанке в первый день посетило 1285 человек.

Новые экспонаты музея Ивана Франко

Львов. Литературно-мемориальный музей Ивана Франко пополнен новыми ценными экспонатами. Здесь выставлены листы из 24-й главы «Капитала» К. Маркса в переводе Ивана Франко, сделанном им в 1879 году, а также его переводы отдельных разделов из «Анти-Дюринга» Ф. Эн-

гельса. В одной из комнат музея экспонируется «Манифест Коммунистической партии», «Капитал» К. Маркса, журнал «Колокол» из личной библиотеки Франко.

Посетители с интересом знакомятся с новыми материалами, рассказывающими о сотрудничестве Ивана Франко в польской рабочей газете «Ргас» («Труд»). Музей приобрел также новые картины львовских художников. Среди них — картина Соколова «Франко читает студентам университета роман Чернышевского «Что делать?», полотно художника Добряннова, изображающее митинг на могиле Ивана Франко в 1939 году, и другие.

Обзор военных действий в Корее

Три месяца прошло с тех пор, как американские империалисты развязали войну в Корее. За истекшее время вооруженные силы Кореи проявили чудеса героизма, показали высокое тактическое мастерство.

Народная армия, по признанию американской печати, уничтожила не менее 60 процентов солдат и офицеров первоначального состава лысымазовской армии. Не было и «ни одной американской части в Корее, которой не пришлось бы бежать, называясь ли это отступлением или чем-то другим...» Так признавалась американская газета «Бурьер».

Американские войска, понеся серьезные потери, вынуждены были отступить в юго-восточный угол Кореи. Здесь они укрепились на выгодных естественных оборонительных рубежах реки Нактонган в ожидании новых пополнений.

После высадки англо-американского десанта в районе Инчона, несмотря на большую концентрацию войск и техники интервентов, вооруженные силы Кореи народно-демократической республики в упорных боях на всех участках фронта сдерживают натиск врага, перемалывают его дивизии. На южном участке фронта Народная армия удерживает позиции восточнее Чинчжу и контролирует южное побережье от острова Намдо до Мокхю и западное побережье от Мокхю до Инчона (Чемулпо).

Чрезвычайным ожесточением характеризуются бои за Сеул. В районе Бенжин (пригород Сеула) американские войска продолжают попытки прорвать линию обороны Народной армии. Однако решительными контратаками противник отброшен, понеся большие потери. Части Народной армии удерживают свои позиции, мужественно отбивая атаки интервентов.

Даже в сводке штаба 8-й армии интервентов указывается, что Народная армия стойко сопротивляется на хорошо подготовленных оборонительных позициях. Американское командование жалует, что танки, артиллерия и множество защитников Сеула не дают возможности интервентам проникнуть в город.

Сообщая об ожесточенных контратаках Народной армии в районе столицы Кореи, корреспондент газеты «Геральд трибун» заявляет, что американцы «потеряли надежду на быстрый и легкий захват Сеула...»

24 часа Пхеньяна

Раннее утро. Невыспавшиеся после ночных тревог люди торопятся быстрее подняться с постелей. У них есть основания для тревоги. С минуты на минуту прилетят американские реактивные самолеты. Они базируются на пловучих авианосцах и весь путь от базы до города проделывают в считанные минуты.

Вой сирены, нарастающий точно морской прибой, шум реактивных самолетов, пулеметные очереди в воздухе, пальба зенитных пушек и пулеметов с земли — все это сливается в один оглушительный шум, треск, грохот.

Население спешит в убежища. В домах люди жмутся в простенках, подальше от окон. Постройки в Корее легкие, а американские пилоты ведут огонь по стенам и крышам домов, простреливая улицы.

Самолеты делают обычно два-три захода. Потом улетают. Наступает гнетущая тишина. Уже привыкшие люди выходят из домов, чтобы посмотреть, не удалось ли штурмовикам поджечь что-либо. Прислушиваются. Раздается протяжный гудок сирены — отбой. Рабочий день Пхеньяна начинается.

Тысячи мирных пхеньянцев, только что бывших объектом варварского обстрела, спешат в учреждения, на фабрики и заводы. Большинство предприятий разрушено, но многотысячный город не может существовать без необходимых, обслуживающих элементарные бытовые нужды учреждений. И, то, что было разрушено вчера, люди стараются восстановить сегодня. Пхеньяне идут по улицам быстрым шагом, чтобы очередной налет не застал их на открытом месте. Стараясь идти по теневой, менее видной с воздуха стороне. Смотрят в сторону солнца, — оттуда обычно заходит самолеты.

Деять (а может быть, десять или одиннадцать) часов утра. Прерывистый вой сирены. Опять приближаются самолеты. На этот раз, вероятно, «летающие крепости». Люди вновь спускаются в убежища. Правда, не все. Многие самоотверженно остаются у своих станков, ожидая, пока самолеты появятся непосредственно над городом.

Вот враг и над городом. Это «летающие крепости». Идут строем двенадцать машин, по четыре в ряд. Огонь зениток разбивает этот строй. Тысячи людей в убежищах слышат в перерывах между выстрелами назойливый нарастающий гуд. Летят бомбы. Американцы бросают их на город полными кассетами по десять-двенадцать штук сразу.

Грохот разрывов и мощная взрывная волна дают на барабанные перепонки людей, находящихся в подземных убежищах. Снова грохот, снова и снова. Всепроницающий запах каменной пыли и гари. Потом тишина. Самолеты разворачиваются где-то за городом для нового захода. Обычно эта операция занимает минут пятнадцать. Некоторые пхеньяне выйдут и стоят возле убежищ, другие — только высматривают головы. Густой едкий дым стелется по улице. Ветер разносит искры от горящего в стороне здания. Столб черного дыма поднимается в центре города.

Улицы не пустыны. Перебегают дружинники ИВО. На их белых одеядах свежий налет черной пыли. Строем, с лопатами в руках, пробегают мужчины, они спешат откупать поврежденных под обвалившимися зданиями.

Опять палат зенитки — самолеты над городом. Радио предлагает всем немедленно укрыться. Затем все повторяется: паль-

Потухшая «Радуга»

Недавно в американской оккупационной зоне Германии состоялся маневр, который западно-германская печать поспешила окрестить «самыми крупными со дня окончания войны».

В этих маневрах, носивших условное название «Радуга», приняли участие более 100 тысяч американских, английских и французских солдат. Весьма показательно, что наряду со штабными офицерами стран — участниц Атлантического пакта на маневрах присутствовали также четыре офицера и один генерал, представляющие Франкостскую Испанию; как мы видим, американская военизация уже поспешила полностью восстановить отношения с Франко...

Хотя формально маневры и преследовали цели боевой подготовки, по существу, они прошли как военная демонстрация, организованная поджигателями войны.

Над немецкими городами и селами с воим проносились самолеты, а танки безжалостно перепахивали своими гусеницами крестьянские поля.

Организаторы маневров стремились терроризировать население, подорвать его волю к борьбе за мир, еще сильнее разжечь военных психоз и облегчить таким образом вербовку пушечного мяса во вновь формируемую американками западно-германскую армию ландскнехтов.

Однако эти расчеты решительно провалились. Как сообщила газета «Националь-лейтунг», именно в дни маневров на стенах домов особенно часто появлялись требования об уходе американцев из Германии.

А один из случаев, по сообщению агентства Ассошиэйтед пресс, буквально вызвал у командования американской армии замешательство. Речь идет о том, что солдаты и офицеры, участвовавшие в маневрах, слышав и рядом обнаруживали листовки в защиту мира, в которых содержался такой вопрос:

«Что ты хочешь: мира или смерти от атомных бомб?»

Листовки эти были найдены также вблизи штаба, руководившего маневрами, что привело американские оккупационные власти в состояние бешенства.

Так ответили трудящиеся Западной Германии на очередную провокацию поджигателей войны, предпринятую под видом маневров.

Чем гордится писатель Дж. Б. Пристли

Мы публикуем без изменений заметку, напечатанную 11 сентября в английской газете «Дейли геральд» под заголовком «Герой королевского воздушного флота получил Серебряную звезду».

«Вчера был радостный день для миссис Барбара Уайлхэм-Бариз и Дж. Б. Пристли, ее отца — писателя.

Ее муж, подполковник Королевского Воздушного Флота Питер Уайлхэм-Бариз, специалист в области ночных полетов, только что был награжден в Токио американской Серебряной звездой за участие в воздушных налетах на Северную Корею.

— Я в совершеннейшем восторге и страшно горжусь, — заявила она. — Мой отец тоже».

„Меня арестовывают только за то, что я — сторонник мира“

Несколько дней назад представитель Советской контрольной комиссии в Германии направил командантам западных секторов Берлина письмо, содержавшее резкий протест против преследований, которым подвергаются сторонники мира в Западной Берлине. Штуммовская полиция, действующая с полного одобрения и при поддержке военных командантов западных оккупационных секторов, расправляется с борцами за мир типично фашистско-гитлеровскими методами. В протесте представителя СКК указывается, что подобные методы находятся в неперимирном противоречии с Потсдамским соглашением, гарантирующим немецкому народу демократические и мирные завоевания.

Берлинский комитет сторонников мира недавно заявил военным командантам протест против этих гонений. Однако террор западно-берлинской полиции с каждым днем становится все более разнузданным.

Чем же вызвано это новое наступление фашистской реакции, столь напоминающее мрачные времена гитлеровской «третьей империи»?

События в Корее всколыхнули немецкую общественность, заставили многих честных людей задуматься над судьбой своей собственной страны.

Каждое утро на стенах домов, на заборах и тротуарах городов Западной Германии появляются надписи: «Вон империалисты из Америки!», «Сорвать военные приготовления американцев в Германии!», «Корея — Корея, Германия — немцам!»

Борцы против войны подвергают незаконным арестам, тюремному заключению, всевозможным гонениям.

Учительница Маргарита Земшунг уволена с работы под тем предлогом, что ее поведение «в неслужбное время» якобы не соответствует воспитанию школьников в предписанном направлении». Действи-

НА ПОЛЬСКОМ ЗАВОДЕ «МИР»

За синим стеклом скрываются внимательные глаза. По ветру огня они беспрестанно определяют качество кипящей стали. Только длительный опыт причает глаз сталевака к такой точности. Но Герберту Бадуре уже мало многолетнего опыта. Он хочет знать тайны химических процессов в печи, чтобы управлять ею со знанием дела. Так объясняет он свое поступление в лицей.

Вместе с ним на сталелитейном заводе «Мир» учатся в лицее для взрослых 147 рабочих. Заводской лицей в прошлом году окончил 86 человек, а в этом — еще 80. При заводе работает также промышленная школа. Она готовит высококвалифицированных рабочих.

Многие металлурги учатся индивидуально. С ними занимаются 46 инженеров. Более 2600 специалистов-практиков Польши обучаются теперь в специально созданных инженерных школах в Варшаве, Гданьске, Вроцлаве, Белостоке и Катовицах.

При таких-то прецедентах крупнейший в Японии делец Макартур и небезизвестный Даллес сочли своевременным дать сигнал, после которого, как еще в начале 1950 года официально пообещал Ли Сын Ман, Пхеньян должен был пасть «в течение одних суток...»

Дальнейшее известно: гнусное нападение американцев на корейский народ, зверское истребление бомбами мирного корейского населения... Сколько раз с советской стороны и со стороны Кореи народно-демократической республики в последние годы предлагались переговоры с целью предупредить кровопролитие, столько же раз следовал отказ со стороны Соединенных Штатов Америки и их крупных и мелких саттелитов в оружии, которых, впрочем, Уолл-стрит об их мнении и не спрашивал.

Американской реакции нужны были не мирные переговоры, а провокация и задержка. Ей и теперь не нужны переговоры о восстановлении авторитета Организации Объединенных Наций и возвращении присутствующих ООН функций инструмента мира, а не инструмента агрессии, в который превратился ее США.

И это опять-таки совсем неудивительно, если учесть, что за ширмой бездействующей ООН Ачесону удобно советаться с Бевпном и Шуманом об укреплении Атлантического союза, согласовывать планы вооружения Западной Германии, подавления национально-освободительного движения на Дальнем Востоке.

Советский Союз пришел на сессию Генеральной Ассамблеи с неизменной готовностью к переговорам об установлении прочного мира в Азии и Европе, выдвинул точную и конкретную программу урегулирования спорных вопросов. Он твердо стоит на позиции защиты мира всеми средствами, находящимися в его распоряжении. И это лучшая гарантия того, что американский план разрушения ООН будет сорван!

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Дипломатия мира

Уже прошло несколько дней после выступления на Генеральной Ассамблее ООН А. Я. Вышинского, а «руководящие» органы печати Америки, Англии, Франции, Западной Германии, Италии не перестают комментировать его на все лады. Как и всегда в таких случаях, крайне интересно улавливать тон, «делающий музыку».

Прежде всего совершенно ясно, что такой речи не ждали и что больше всех она застала врасплох г. Ачесона и его литературных оруженосцев.

Уже в ночь на 22 сентября американский радиокорментатор Эдуард Монтомери выступил с насмешкой прокомментированными «собственными комментариями». Эти комментарии заключались в том, что Монтомери излагал вкратце основные требования, которые Вышинский считает необходимым для упрочения мира, — и каждый такой абзац, несколько даже не пробуя его опровергнуть, кончал скробно-иронической фразой: «Это было бы весьма удобно для советского правительства». Вышинский требует прекращения пропаганды новой войны: «Это было бы удобно для советского правительства». Вышинский хочет воспрещения атомного оружия: «Это также весьма удобно для советского правительства». Вышинский жаждет заключения пакта между великими державами, «и это также весьма выгодно для советского правительства». И так далее! Пластика не меняется. Кроме этого плачущего полугая, государственного департамент в эти первые, ранние ночные часы не выпустил никого! Не успели собраться с мыслями. А вслед за этим посылались и другие голоса. Буквально 9/10 прессы напечатала 22 сентября интервью Вышинского, данное корреспонденту «Ассошиэйтед пресс» и беспрецедентно добавила: «Улыбающийся и веселый Вышинский заявил репортерам, что советская делегация будет работать в целях укрепления мира, сотрудничества и дружбы между народами». А Гампльтон, корреспондент ведущей империалистической газеты «Нью-Йорк таймс», поддержал этот необычный тон своим, ко-

сского образа жизни», были: 1) речь Черчилля в Фултоме 5 марта 1946 года, пригласившая Америку в Англию к скорейшему походу против СССР, и 2) ораторское выступление господина Трумэна 12 марта 1947 года с предложением в самом молниеносном порядке ассигновать 400 миллионов долларов на вооружение Турции и Греции. Ложь, правдивая в оправдание этого предложения, была грубой, откровенно бессовестной, так же как заведомо клеветой (и очень вздорной при этом) были выдвинутые накануне обвинения, будто Советский Союз угрожал Ирану.

В сентябре 1950 года г. Трумэн не устоял и повторил (правда, невразумительно скороговоркой, глотая по несколько слов враз) ту же свою выдумку о «спасении» весной 1947 года и Ирана, и Турции, и Греции.

Между тем известно всему миру, что Советский Союз точно, в заранее обусловленные сроки вывел свои войска из Ирана. Если советская пресса и обращала внимание на подвизавшуюся (по указке и по камертону) шумиху вокруг Греции и Турции, то исключительно потому, что это имело значение с чисто симптоматической стороны. Именно полная фактическая необоснованность, явная провокационность всех «поводов» к антисоветским выступлениям свидетельствовали о том, что дело идет вовсе не о защите несуществующих жертв мнимой «советской агрессии», но о совсем иной задаче: о попытках подготовить необходимую почву для развязывания, когда Уолл-стрит это покажется целесообразным, нового мирового побиона. С этой тенденцией необходимо было считаться, и советская дипломатия неуклонно разоблачала преступные цели поджигателей войны, боролась с целенаправленной ложью империалистической прессы Америки и Западной Европы.

И. В. Сталин не раз, отвечая на вопросы представителей зарубежной печати, выражал свое мнение о полной осязаемости мирного сотрудничества, мирного сосуществования двух систем, о возможности спокойного соревнования их в области культуры, науки, техники. Советские дипломаты и слова, и действия подтверждали эту сталинскую мысль.

Во время мирных переговоров жер-